

1917–2017

С.А. НЕФЕДОВ

Русская революция — трагическая случайность?

Статья посвящена анализу причин Русской революции. С точки зрения автора, главной причиной революции стал мальтузианский кризис. Увеличение численности населения приводило к дроблению крестьянских наделов и уменьшению потребления до полуголодного уровня. Черда крестьянских восстаний завершилась восстанием крестьян-солдат в Петрограде в феврале 1917 г. Автор критикует историков, которые называют революцию “случайностью”. В качестве подтверждения своего тезиса он использует сведения о многочисленных крестьянских бунтах начала XX века, причиной которых был голод вследствие непропорционального распределения земли и доходов от экспорта продукции российского сельского хозяйства — так называемый “голодный экспорт”.

Ключевые слова: крестьянское малоземелье, падение потребления, мальтузианство, крестьянские восстания, революция 1905 г., Первая мировая война, Февральская революция 1917 г., “голодный экспорт”.

В 1960-х гг. Э. Карр утверждал, что на Западе больше не говорят об “исторических законах”, что само слово “причина” вышло из моды [Carr 1961, p. 103]. В те времена возобладали мода на работы А. Тэйлора, утверждавшего, что весь облик, который приняло общество в Европе XX в., зависел от того, по какой улице шофер повез эрцгерцога Франца-Фердинанда. Однако со временем западная историческая наука преодолела этот приступ нигилизма. “В мировой науке, прежде всего американской и западноевропейской, за последние десятилетия накоплен солидный и почти еще не востребованный в нашем социально-философском и историческом познании багаж научных результатов, — отмечает Н. Розов, — а главное — резко возрос интеллектуальный потенциал подходов, методов, концепций, понятий, касающихся теоретического описания социальных систем и их исторического развития” [Розов 2002, с. 35].

Но если в то время в исследованиях Запада эта болезнь осталась в прошлом, то в том, что касается России, исторический нигилизм восторжествовал — в особенности в вопросе об интерпретации Русской революции. Так, известный американский историк Л. Хеймсон отмечает: “Из-за утраты веры в закономерность исторических событий в современной российской историографии образовался вакуум, чем и объясняется появление таких стереотипов в интерпретации исторических процессов, как сведение объяснения Октябрьского переворота к заговорщической деятельности большевиков

или объяснение истоков Февральской революции как следствия заговорщической деятельности масонов...” [Хеймсон 1993, с. 4].

Некоторые российские историки отрицают не только какие-либо закономерности, они не видят элементарные причинно-следственные связи, сводя исторический процесс к хаосу и господству случая. М. Давыдов, например, прямо заявляет, что революция 1917 г.— “трагическая случайность” [Давыдов 2016, с. 992]. Б. Миронов считает, что “никакой объективной неизбежности и неотвратимости русской революции 1917 года не существовало” [Миронов 2015]. Тех, кто пытаются искать объективные причины, эти авторы обвиняют в марксизме [Давыдов 2016, с. 968; Миронов 2015].

Однако необходимо отметить, что поисками причин революции занимались не только марксисты. «В 1905 году произошла аграрная революция, — писал Г. Робинсон, — и позади этой революции, рассматриваемой как “результат”, должно быть, имелись “причины”; если же это не так, то не имеется никакой логики в движениях истории. Так как результат был глубок и широк, причины, должно быть, также простирались широко и глубоко в жизнь деревень...” [Robinson 1967, с. 363]. Уже упомянутый Робинсон, а также А. Гершенкрон, Л. Волин и многие другие западные историки видели причину революции в ухудшении положения народных масс, и, прежде всего, крестьянства; главной причиной оскудения крестьянства считался быстрый рост населения, приведший к острой нехватке земли [Gerschenkron 1965; Robinson 1967; Volin 1970].

Констатация ухудшающегося положения крестьянских масс была общим местом в работах дореволюционных экономистов. Миронов признает, что “тезис о систематическом понижении жизни крестьян... получил поддержку у *всех авторитетных исследователей* (курсив мой. — С.Н.) конца XIX—начала XX вв.: И. И. Игнатович, А. А. Кауфмана, П. И. Лященко, М. Н. Покровского, Н. А. Рожкова, А. Финн-Енотаевского и других... и постепенно стал постулатом в научной литературе и публицистике, что отразила энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона” [Миронов 2010^а, с. 31]. Конечно, эти исследователи знали об окружающей их реальности гораздо больше, чем мы; их выводы опирались не только на известную нам статистику, но и на материалы, которые до нас не дошли. Естественно, современному историку было бы чрезвычайно рискованно выступать против тезиса, сформулированного “всеми авторитетными исследователями”, если только он не обнаружил некую новую информацию, неизвестную авторитетам.

Историки-нигилисты, естественно, пытались найти такую информацию. Так, Давыдов обнаружил 12 случаев, когда из некоторых губерний в календарном году вывозилось пшеницы или овса больше, чем был, по статистике, урожай в этом году. Это послужило поводом сомневаться во всей урожайной статистике Центрального статистического комитета (ЦСК) МВД. Данные ЦСК, пишет Давыдов, “по меньшей мере, далеко не всегда являются достоверным источником, а весьма часто они попросту несостоятельны” [Давыдов 2010^а, с. 231]. “Как быть с освященными традицией цифрами, — вопрошал Давыдов, — с заключениями о характере развития производительных сил в сельском хозяйстве России, которые фигурируют в каждом учебнике и т.д.?” [Давыдов 2010^б, с. 69].

Таким образом, вместе с урожайной статистикой под вопрос ставился тезис, сформулированный “всеми авторитетными исследователями”. Впрочем, позиция Давыдова отличалась противоречивостью. Отрицание достоверности статистики урожайности ЦСК он положил в основу своей диссертации. При этом одновременно на сотне страниц он цитирует эти “попросту несостоятельные” цифры и использует их без всякой корректировки [Давыдов 2003]. Впрочем, не поверившие Давыдову оппоненты оказали ему немалую услугу. Их исследования показали, что выявленные им 12 случаев относятся к ситуациям, когда в текущем неурожайном году вывозился богатый урожай прошлого года. Вообще, в России по условиям навигации и железнодорожных перевозок большая часть собранного урожая вывозилась лишь в следующем году. Так что сенсационная находка Давыдова не смогла поколебать устоявшиеся “заключения

о характере развития производительных сил” (и выводы его диссертации) [Кузнецов 2013; Неведов 2013^а].

Другой сенсацией стало обнаружение Мироновым роста новобранцев в 1874–1913 гг. Считается, что увеличение роста – свидетельство роста потребления, поэтому расчеты Миронова произвели большое впечатление на историков – в особенности на Западе, где историческая антропометрия очень популярна. Обсуждению этих результатов был посвящен специальный номер журнала “Slavic Review” (1999, vol. 58, № 1), и они послужили основой для вывода о повышении уровня жизни в России, категорически сформулированного во втором томе “Кембриджской истории России” [The Cambridge... 2006, p. 391].

Миронов продолжил свои антропометрические исследования и в 2010 г. подытожил их в 1000-страничной монографии “Благосостояние населения и революции в имперской России”. В ней говорилось уже не просто об увеличении роста новобранцев, а о “прорыве в уровне биостатуса” [Миронов 2010^а, с. 623]. Книга вызвала большой интерес международной исторической общественности, прежде всего в связи с присутствием в обсуждаемых проблемах очевидного политического аспекта. Известный специалист по исторической антропометрии И. Батен резюмировал: “Борис Миронов написал выдающуюся книгу... Основной тезис Миронова заключается в отсутствии системного кризиса, который сопровождался бы снижением уровня жизни в конце XIX века (накануне русской революции), что этот период был довольно успешным периодом развития империи. Этот вопрос занимает центральное место в историографии, и он имеет решающее влияние на сегодняшнюю политическую дискуссию...” [Baten 2013]. Однако в расчетах Миронова была обнаружена ошибка; оказалось, что в действительности рост новобранцев уменьшался [Неведов 2011^а; Nefedov, Ellman 2016]. В своих новых работах Миронов уже не говорит о “прорыве в уровне биостатуса”.

Таким образом, попытки найти какие-то новые данные и опровергнуть “постулат о систематическом понижении уровня жизни крестьян”, сформулированный “всеми авторитетными исследователями” конца XIX–начала XX в., окончились неудачей. Но конечно, за 100 лет произошло много событий, позволяющих судить о значении этого постулата *a posteriori*, хотя прежде нужно остановиться на некоторых деталях тезиса, который отрицатели причинности называют “марксистским”.

Дело в том, что этот тезис не был “марксистским”, в одной из своих работ Миронов признает, что в действительности он был “мальтузианским” [Миронов 2010^а]. Речь идет о фундаментальном тезисе Т. Мальтуса о том, что рост населения в условиях ограниченности ресурсов вызывает падение потребления. Классическая формулировка этого тезиса для России принадлежит министру финансов Н. Бунге: “Когда население возросло, отведенная земля оказалась недостаточной для прокормления крестьян и для доставки им средств в уплате налогов и выкупных платежей. Когда же к этому присоединились неурожай... тогда положение крестьян в целых уездах и даже губерниях стало бедственным...” [Бунге 1960, с. 133–134].

За последние 100 лет мальтузианская теория получила значительное развитие; стало ясно, к чему в большинстве случаев приводит вызванное ростом населения падение потребления. В 60-х и 70-х гг. XX в. густонаселенные страны “третьего мира” были охвачены социальными и национально-освободительными революциями, восстаниями и войнами. Эти события продемонстрировали, что перенаселение и голод порождают войны и революции. Угрозы, которые несет с собой рост населения, стали очевидными. 1974 г. был объявлен ООН “Всемирным годом народонаселения”, в этом году был проведен Всемирный конгресс народонаселения и организован “Институт наблюдения за миром” во главе с известным экономистом Л. Брауном. Этот институт был призван следить за “мировой продовольственной безопасностью” и формулировать условия оказания продовольственной помощи в целях предотвращения голода и революции [Brown 1979, p. 31]. Было произведено обследование уровня питания населения различных стран мира и определены те, которым угрожает голод. Уже перечисление хронически голодающих стран мира: Мали, Эфиопия, Чад, Гаити, Индия,

Бангладеш, Непал, Гана, Зимбабве, Ангола, Южный Йемен, Гватемала, Замбия, Мозамбик, Сомали, Афганистан, Камбоджа, Лаос — показало, что между голодом и социальными конфликтами существует взаимная корреляция: большинство из этих государств стало впоследствии ареной восстаний и революций. Лишь немногим государствам (в частности, Индии) удалось избежать масштабных социальных кризисов благодаря “зеленой революции” и политике ограничения рождаемости.

Таким образом, за прошедшие 100 лет специалисты убедились в существовании мальтузианской закономерности, что рост населения приводит к революциям, если только не удастся купировать падение потребления увеличением продовольствия. Это новое знание, конечно, нельзя назвать откровением: в форме предположений и догадок оно присутствовало в работах экономистов начала XX в., и в концентрированной форме выразилось в реформах П. Столыпина. Как известно, Столыпин предполагал, что выделившись из общины, крепкие хозяйства смогут использовать новые аграрные технологии. О “зеленой революции” тогда никто не помышлял, но была надежда увеличить урожайность с помощью посевов клевера, который обогащает почву азотом. Однако, как выяснилось впоследствии (уже при И. Сталине), в условиях засушливого континентального климата посевы клевера не давали такого эффекта, как в Западной Европе. И конечно, было уже слишком поздно: реформы начались уже после начала крестьянских восстаний [Нефедов 2013^в, с. 98].

Поскольку рост населения в России было невозможно купировать посредством агротехнических мероприятий, то революция была неизбежна. Ее целью должен был стать передел богатств, прежде всего земли, с тем, чтобы спасти от голода беднейшие слои населения. Однако необходимо выяснить, было ли что делить, что могла дать революция. Потребление в России было низким, и оно понижалось с ростом населения. Но парадокс заключался в том, что хлеба в стране было достаточно. Ситуация станет более наглядной, если сравнить потребление и производство в России и в других странах (см. табл.).

“Потребление” в таблице — это потребление зерна в пищу и на корм скоту; из таблицы видно, что потребление в России было много ниже, чем в европейских странах. Известный специалист по экономической истории Р. Аллен подсчитал, что душевое потребление в пищу в 1900–1910 гг. было равно примерно 2100 калорий/сутки [Allen 2003, р. 134] — это уровень теперешних слаборазвитых стран Африки, уровень регулярно повторяющегося голода, “уровень Сомали”. Но при этом уровень производства зерновых был значительно выше, чем уровень потребления. Хлеб в стране имелся, но он вывозился за границу. Если бы весь хлеб потреблялся внутри страны, то потребление

Таблица

Чистый остаток хлебов и картофеля (в пересчете на хлеб 1:4) после вычета посевного материала (“производство”) и остаток с учетом экспорта и импорта (“потребление”) на душу населения в конце XIX века
(пудов на душу)

Страна	Производство	Потребление	Импорт (+) или экспорт(–)
Франция	30,2	33,6	+3,4
Австро-Венгрия	27,4	23,8	–3,6
Германия	24,2	27,8	+3,6
Бельгия	23,7	27,2	+3,5
Великобритания	12,5	26,4	+13,9
Россия	24,3	19,5	–4,8

Источник: [Лохтин 1901, с. 216–217]

бы поднялось до уровня, при котором все были бы сыты, и никто бы не помышлял о революции. Следовательно, целью революции должно было стать увеличение потребления путем прекращения экспорта.

Каким образом можно было уничтожить “голодный экспорт”? Вообще, почему он был возможен? Очевидно, существовал слой землевладельцев, имевших для продажи большое количество хлеба, и этот хлеб при поощрении властей уходил за границу, в то время как миллионы бедняков голодали. Кто были эти землевладельцы? Ответ, лежащий на поверхности, — помещики. Действительно, помещики были кровно заинтересованы в том, чтобы продавать свой хлеб на мировом рынке, где цены были много выше, чем в России. В 1896 г. совещание губернских предводителей дворянства напрямую потребовало от правительства еще более понизить тарифы на вывозных железных дорогах — сделать их ниже себестоимости перевозок [Соловьев 1979, с. 223].

«Лозунг “не доедим, а вывезем” был не пустым лозунгом, ибо рост внутренних цен был связан с ростом мировых цен, — писал известный экономист Н. Огановский. — Не только крестьяне центральных районов перманентно недоедали, не только производители яиц и птицы сами в рот их не брали... Главные сельскохозяйственные продукты шли за границу: половина товарного зерна, $\frac{3}{4}$ льна, яиц, половина масла. Отсюда ужасающая смертность детей, отсюда сила эпидемий, отсюда глухое недовольство масс, постоянная борьба всеми доступными крестьянам способами с помещиками и начальством и стихийные вспышки бунтов — предвестники революционной грозы» [Огановский 1927, с. 29].

На связь зернового экспорта с помещичьим землевладением указывали многие авторы. А. Кауфман прямо писал, что “весь хлеб, который уходит за границу, идет из помещичьих экономий и с полей небольшой зажиточной части крестьянства” [Кауфман 1918, с. 51]. При 686 млн пудов среднего ежегодного вывоза в 1909—1913 гг. помещики непосредственно поставляли на рынок 275 млн пудов. Но при этом крупные землевладельцы вели собственное хозяйство лишь на меньшей части своих земель; другую часть они сдавали в аренду, получая за это около 340 млн руб. арендной платы. Чтобы оплатить аренду, арендаторы должны были продать (если использовать среднюю экспортную цену) не менее 360 млн пудов хлеба. В целом с помещичьей земли на рынок поступало примерно 635 млн пудов — эта цифра вполне сопоставима с размерами вывоза [Нефедов 2011^в, с. 334].

Но может быть, Россия получала от хлебного экспорта какие-то другие преимущества? Приведу для примера данные за 1907 г., когда было вывезено хлеба на 431 млн руб. Взамен же ввозились высококачественные потребительские товары для высших классов (в основном, для тех же помещиков) на 180 млн руб. и примерно 140 млн руб. составили расходы русских за границей. В те же годы путешествие за границу было обычным делом, а часть русской аристократии практически постоянно жила за границей. Для сравнения: в том же году было ввезено машин и промышленного оборудования на 40 млн руб., сельскохозяйственной техники — на 18 млн руб. В 1913 г. вывезено хлеба на 654 млн руб., расходы “путешественников” составили 324 млн руб., ввоз машин и промышленного оборудования — 110 млн руб. [Нефедов 2011^в, с. 330; Нефедов 2013^в, с. 133].

В 1913 г. экспорт зерна достиг 767 млн пудов; для сравнения можно заметить, что при советской власти максимальный уровень экспорта был достигнут в 1930—1931 гг. — 355 млн пудов [Нефедов 2013^в, с. 133]. Однако то были годы коллективизации, когда у крестьян отнимали хлеб, чтобы покупать промышленное оборудование. До революции помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребительские товары и даже нередко жили за границей. На нужды индустриализации шла лишь очень небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта.

Естественным ответом крестьянства на сложившуюся ситуацию были восстания, в 1902 г., например, охватившие Полтавскую и Харьковскую губернии. Восстания были вызваны голодом из-за неурожая предшествующего года; крестьяне врывались в помещичьи экономии и забирали хранившийся в них хлеб; другое имущество и людей, как правило, не трогали. Директор Департамента полиции А. Лопухин в докладе

о восстаниях 1902–1903 гг. писал: “Голодные, не евшие в течение нескольких лет хлеба без примеси соломы или древесной коры и давно не знавшие мясной пищи мужики шли грабить чужое добро с сознанием своей правоты, основанном на безвыходности положения и на том, что помощи им ждать не от кого” [Первая... 2005, с. 81].

Крупнейший российский историк-аграрник В. Данилов считал, что восстания 1902 г. были предвестником русской революции, что в России имела место “крестьянская революция, на фоне (на основе) которой разворачивались все другие социальные и политические революции, включая Октябрьскую 1917 года” [Данилов 1992, с. 313]. В 1905 г. восстания приняли масштабы крестьянской войны; было разгромлено 2 тыс. помещичьих имений. «В большинстве случаев крестьяне объясняли свое участие в движении тем, что они хотели есть, — писал С. Прокопович. — Часто они ограничивались одним увозом хлеба и сена. Осенью 1905 года, когда начался голод в неурожайных местах, а помощи ни откуда не было, крестьяне решили спастись от голодной смерти “общим согласием”. Во многих местах разбросание или дележка помещичьих экономий была совершена по приговорам сельских обществ» [Прокопович 1907, с. 37]. Генерал Сахаров, командовавший карателями в Саратовской губернии, отмечал, что “побудительной целью движения служит желание захватить хлеб в амбарах, так как губернию постиг в нынешнем году страшный голод”, что восстание бушевало в малоземельных уездах и почти не затронуло многоземельные районы (цит. по [Анфимов 2002, с. 29]). Но главное — крестьяне не только делили хлеб в амбарах, они требовали раздела помещичьих земель. «Самая серьезная часть русской революции 1905 года, — писал С. Витте, — конечно, заключалась не в фабричных, железнодорожных и тому подобных забастовках, а в крестьянском лозунге “Дайте нам землю, она должна быть нашей, ибо мы ее работники” — лозунге, осуществления которого начали добиваться силой» [Витте 2001, с. 251]. Разумеется, имели место либеральная пропаганда, “банкетная кампания”, забастовки и выступления в городах, но на фоне крестьянской войны это были лишь второстепенные детали.

Крестьянские восстания подавлялись, но положение в деревне оставалось напряженным, крестьяне продолжали волноваться, число “преступлений против порядка управления” было в восемь раз больше, чем до 1902 года. Реформа Столыпина не дала и не могла дать существенного эффекта. Более того, она вызвала сопротивление крестьянских общин. Между тем приближалась Мировая война, и она не была “несчастной случайностью”: “военные тревоги” следовали одна за другой.

В годы войны русская армия на 90% состояла из крестьян, и многие из них помнили о расправах 1905 г. Они не желали воевать за власть, которая охраняет помещиков и не дает им, крестьянам, землю. Нежелание крестьян-солдат воевать сказывалось уже в начале войны. Председатель Думы М. Родзянко приводил примеры, когда во время атаки с поля боя дезертировали до половины солдат, подчеркивая, что это примеры “далеко не единственные” [Родзянко 2002, с. 253].

Русская армия уступала противнику в артиллерии, и русские генералы старались использовать численное превосходство, безжалостно бросая своих солдат в штыковые атаки. Д. Ллойд-Джордж писал: “Русские армии шли на убой под удары превосходной германской артиллерии и не были в состоянии оказать какое-либо сопротивление” [Ллойд-Джордж 1934, с. 318]. Солдаты-крестьяне отвечали посылающей их на убой власти массовыми “уходами в плен”. Современными исследователями подсчитано, что в целом за время войны Россия потеряла 3,9 млн пленными — в три раза больше, чем Германия, Франция и Англия вместе взятые. На 100 убитых в русской армии приходилось 300 пленных, а в германской, английской и французской армиях — от 20 до 26, то есть русские сдавались в плен в 12–15 раз чаще, чем солдаты других армий [Пайнс 1994, с. 92]. Особенно характерна динамика “ухода в плен” начиная с октября 1916 г., когда в условиях распутицы, а потом зимы, бои на фронте практически прекратились. В этот период началось “голосование ногами” — количество уходящих к противнику быстро росло и в феврале 1917 года достигло 148 тыс. человек. После

революции появилась надежда — и в марте число пленных упало до 19 тыс. [Россия... 1925, с. 30].

В декабре 1916 г. накопившееся недовольство солдатских масс, наконец, прорвалось в массовых выступлениях на фронте. В ходе Митавской операции 23–29 декабря отказался идти в атаку 17-й пехотный полк, затем к нему присоединились еще несколько полков, волнения охватили части трех корпусов и десятки тысяч солдат [Зайончковский 1938, с. 108]. “Ситуация в армии становилась все более безнадежной, — свидетельствовал А. Керенский. — В январе 1917 г. насчитывалось 1200 тысяч дезертиров и число это постоянно росло. В армии шла самовольная демобилизация. Высшее командование было бессильно остановить разбегавшихся по домам солдат. Создавались особые отряды военной полиции для отлова дезертиров... Исчезла всякая воинская дисциплина. Целые роты отказывались сражаться... Солдаты то и дело покидали траншеи, братались с немцами, иногда уходя вместе с ними” [Керенский 2005, с. 96–97].

Реакция крестьян на войну заключалась не только в дезертирстве и массовых сдачах в плен — крестьяне отказались продавать властям хлеб. Правительство было вынуждено оплачивать огромные военные расходы путем эмиссии бумажных денег; это привело к взрывному росту цен. Крестьяне не желали отдавать хлеб за обесценившиеся бумажки. «Главной заботой правительства было продовольствие, — свидетельствует министр внутренних дел А. Протопопов. — Явилась на местах так называемая “бисерная забастовка”... деревня не выдавала своего товара, не получая ничего взамен... Положение создавалось грозное. Столицы тоже не имели хлеба. Мельницы были без зерна» [Протопопов 2000, с. 376]. В ноябре 1916 г. правительство опубликовало указ о введении продразверстки. Однако многие губернии требовали уменьшить размеры разверстки, производители хлеба отказывались выполнять задания. Родзянко в докладе, предназначенном для Николая II, писал о “полном крахе разверстки” [Родзянко 1925, с. 69].

«В конце января, — вспоминал Керенский, — ЦК союзов городов и земств представил правительственной Комиссии по снабжению меморандум... “Все запасы исчерпаны. В феврале хлеба не будет”». И действительно, в феврале в городах хлеба не было. В провинции разгорались голодные бунты. 10 февраля в Петрограде начались “волнения”, спровоцированные, по выражению властей, “нехваткой продовольствия”. Голод толкал рабочих на выступления, перераставшие в бунты... [Керенский 2005, с. 98].

Как ни странно, историки-нигилисты отрицают даже очевидный факт — начавшийся в городах голод. Миронов утверждает, что “в Петрограде накануне февральских событий хлеба выдавалось в день на человека полтора фунта (615 г.), рабочим — 2 фунта (820 г.)” [Миронов 2016]. На самом деле в Петрограде не было нормированной системы снабжения и ничего не “выдавалось”. Норма снабжения Петрограда составляла 120 тыс. пудов муки в день, но 4 февраля выдача муки пекарням была уменьшена до 28 тыс. пудов (Ф. 457. Оп. 1. Д. 892. Л. 25об.)¹ [Мука... 1917, с. 3]. Если бы хлеб распределялся равномерно, то на каждого жителя пришлось бы по 300 грамм — как в блокадном январе 1942 г. Однако карточек не было, люди занимали очередь в “хвостах” вечером, в надежде купить хлеб утром, но очень многим хлеба не хватало. “Почти всем полицейским чинам приходится ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по два-три дня и более, поэтому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков, — рапортовал один из приставов Выборгской части. — Острота положения достигла таких размеров, что некоторые, дождавшись покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости” (Ф. 1282. Оп. 1. Д. 741. Л. 114).

Один из кадетских лидеров, В. Оболенский, писал, что «ропот в хвостах усиливался, и, наконец, начались бесчинства: жены и дети, стоявшие в хвостах, стали гро-мить булочные и пекарни, а затем толпы их с криками: “Хлеба! Хлеба!” — пошли по

¹ Здесь и далее отсылки на архивные материалы даются по фондам Российского государственного исторического архива (РГИА), где Ф. — номер фонда, Оп. — опись, Д. — дело, Л. — лист.

улицам Петербурга. Женский бунт был поддержан рабочими, объявившими забастовку... Но никому не приходило в голову, что началась революция» [Оболенский 1988, с. 509]. 26 февраля военные власти отдали приказ стрелять в “бунтовщиков”, и казалось, что волнения подавлены, но утром 27 февраля неожиданно взбунтовалось одно из участвовавших в расстрелах подразделений — учебная команда Волынского полка. Началась цепная реакция: полки гарнизона один за другим присоединялись к бунтовщикам. Утром 27 февраля восставших солдат насчитывалось 10 тысяч, днем — 26 тысяч, вечером — 66 тысяч, на следующий день — 127 тысяч, 1 марта — 170 тысяч, то есть весь гарнизон Петрограда.

Восстание крестьян-солдат стало полной неожиданностью как для либеральных кругов, так и для революционеров-подпольщиков. Троцкий писал: “Февральское восстание именуют стихийным... в феврале никто заранее не намечал путей переворота... никто сверху не призывал к восстанию. Накопившееся в течение годов возмущение прорвалось наружу в значительной мере неожиданно для самих масс” [Троцкий 1990, с. 373].

Каковы были требования восставших крестьян-солдат? Не говоря о естественном тогда требовании прекращения войны, они потребовали того же, что и в 1905 г. — земли. 1–2 марта по всему городу происходили митинги, и главное требование солдат выражалось старым лозунгом: “Земля и воля!” Этот лозунг прочел на знаменах первого парада революционного петроградского гарнизона, состоявшегося неделю спустя, посыл Франции М. Палеолог [Палеолог 1996, с. 243].

Таким образом, *петроградские события можно охарактеризовать не как солдатский бунт, а как крестьянское восстание*. И поскольку на этот раз крестьяне имели в руках оружие и к тому же находились в столице, то все решилось в один день. При такой расстановке сил исход событий был предопределен.

Февральская революция была решающим этапом Русской революции, решающим этапом долгой борьбы крестьян за землю. Временное правительство обещало отдать помещичьи земли крестьянам, но затянуло с проведением реформы. В результате оно было свергнуто, а большевики опубликовали “Декрет о земле”. Затем последовала гражданская война, в которой крестьяне отстаивали свое право на землю.

До сих пор мы говорили о причинах революции, теперь нужно сказать о ее следствиях. Что же получили крестьяне в итоге? Земли помещиков были поделены между крестьянами, которые теперь потребляли хлеб сами, торгуя зерном лишь в меру необходимости. “Голодный экспорт” прекратился. В 1925–1928 гг. вывоз хлеба составлял 0,48 пуда на душу, то есть был в десять раз меньше, чем в 1900 г. (см. табл.). Потребление в пищу и на фураж возросло с 19,5 до 27,5 пуда на душу. Пищевое потребление увеличилось с 2100 до 3000 ккал в день. Во времена НЭПа крестьяне питались лучше, чем в наши дни [Нефедов 2009, с. 110; Нефедов 2013^в, с. 247; Природные... с. 86]. Однако вскоре наступили новые времена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анфимов А.М. (2002) П.А. Столыпин и российское крестьянство. М.: Институт российской истории РАН.

Бунге Н. (1960) Записка Н.Х. Бунге Александру II “О финансовом положении России” // Исторический архив. № 2. С. 132–143.

Витте С.Ю. (2001) Воспоминания, мемуары: В 3 тт. Т. 2. М.: АСТ.

Давыдов М.А. (2016) Двадцать лет до Великой войны. СПб.: Алетейя.

Давыдов М.А. (2010^а) Об уровне потребления в России в конце XIX–начале XX в. // О причинах Русской революции. М.: ЛКИ. С. 225–278.

Давыдов М.А. (2010^б) Российский рынок в конце XIX — начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб.: Алетейя.

Давыдов М.А. (2003) Рынок и рыночные связи России в конце XIX — начале XX в. Дисс. ... докт. ист. наук. М.: РГГУ.

- Данилов В.П. (1992) Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец. М.: Прогресс-Академия. С. 310–323.
- Зайончковский А. (1938) Мировая война 1914–1918 гг. Т. II. М.: Гос. воен. издат.
- Кауфман А.А. (1918) Аграрный вопрос в России. М.: Московское научное издательство.
- Керенский А.Ф. (2005) Русская революция. М.: Центрполиграф.
- Кузнецов И.А. (2013) Российская дореволюционная урожайная статистика: методы критики // Вопросы истории. № 6. С. 75–82.
- Ллойд-Джордж Д. (1934) Военные мемуары. Т. 1–2. М.: Соцэргиз.
- Лохтин П. (1901) Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами. Итоги к XX-му веку. СПб.: Типография Министерства путей сообщения.
- Миронов Б.Н. (2010^а) Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф.
- Миронов Б.Н. (2010^в) Наблюдался ли в поздней имперской России мальтузианский кризис? // О причинах русской революции. М.: ЛКИ. С. 61–111.
- Миронов Б.Н. (2016) “По сравнению с 1913-м...” // Российская газета. 07 ноября (<https://rg.ru/2016/11/07/godina-uroven-zhizni.html>).
- Миронов Б. (2015) Революционный сдержите шаг! // Российская газета. 07 ноября.
- Мука для Петрограда (1917) // Новое время. № 14707. 10 февраля. С. 3.
- Нефедов С.А. (2009) Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург: УГГУ.
- Нефедов С.А. (2013^а). Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: Издательство ТГУ.
- Нефедов С.А. (2011^а) История России. Факторный анализ. Т. II. М.: Территория будущего.
- Нефедов С.А. (2013^а) О качестве дореволюционной урожайной статистики // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 167–168.
- Нефедов С.А. (2011^в) Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. № 5. С. 127–136.
- Оболенский В.А. (1988) Моя жизнь. Мои современники. Paris: YMCA-press.
- Огановский Н.П. (1925) Популярные очерки экономической географии СССР в связи с мировой. М.: Экономическая жизнь.
- Пайпс Р. (1994). Русская революция: В 3 ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН.
- Палеолог М. (1996) Царская Россия накануне революции. М.: Терра.
- Первая революция в России. Взгляд через столетия (2005) М.: Памятники исторической мысли.
- Прокопович С.Н. (1907) Аграрный вопрос в цифрах. СПб.: типография товарищества “Общественная польза”.
- Протопопов А.Д. (2000) Показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Гибель монархии. М.: Фонд Сергея Дубова. С. 360–420.
- Родзянко М.В. (1925) Записка М.В. Родзянко // Красный архив. Т. 3. С. 69–86.
- Родзянко М.В. (2002) Крушение империи. М.: ИКАР.
- Розов Н.С. (2002) Философия и теория истории. Кн. 1. М.: Логос.
- Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах) (1925). М.: ЦСУ.
- Соловьев Ю.Б. (1979) Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.: Наука.
- Троцкий Л.Д. (1990) К истории русской революции. М.: Политиздат.
- Хеймсон Л. (1993) Об истоках революции // Отечественная история. № 6. С. 3–15.
- Allen R. (2003) Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Baten J. (2013) The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917 (<http://eh.net/?s=Baten+Mironov>). Дата обращения: 16.03.2017).
- Brown L.R. (1979) Resource Trends and Population Policy: A Time for Reassessment. Washington: Worldwatch Institute.
- The Cambridge History of Russia. Vol. II. (2006) Cambridge: Cambridge Univ. Press. 765 p.
- Carr E. (1961) What is History? Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Gerschenkron A. (1965) Agrarian Policies and Industrialization: Russia 1861–1917 // The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VI. Pt. 2. The industrial revolution. P. 706–800. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Nefedov S., Ellman M. (2016) The Development of Living Standards in Russia before the First World War: An examination of the anthropometric data // Revolutionary Russia. Vol. 29. No 2. Pp. 149–168.

Robinson G.T. (1967) *Rural Russia Under the Old Regime*. New York; London: Columbia Univ. Press.

Volin L.A. (1970) *Century of Russian Agriculture: From Alexander II to Khrushchev*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.

Was Russian Revolution an accident?

S. NEFEDOV*

*Nefedov Sergey — Doctor of Historical Sciences, the leading researcher of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: bld. 16, Kowalewski str., Ekaterinburg, 620990. E-mail: histl@ya.ru

Abstract

The article analyzes the causes of the Russian Revolution. The author shows that the main cause of the revolution was the Malthusian crisis. The increase in population led to the fragmentation of peasant holdings and reduce consumption to the level of starvation. A series of peasant uprisings ended with the uprising of the peasants-soldiers in Petrograd in February 1917. The author criticizes historians who called revolution as an “accident”.

Keywords: the peasant land hunger, falling consumption, Malthusianism, peasant uprising, the revolution of 1905, the WWI, the February revolution of 1917.

REFERENCES

Allen R. (2003) *Farm to Factory*. Princeton: Princeton Univ. Press.

Anfimov A. M. (2002) *P. A. Stolypin i rossijskoe krest'janstvo* [Stolypin and Russian peasantry]. Moscow: IRI RAN.

Baten J. (2013) *The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917* (<http://eh.net/?s=Baten+Mironov>. Date of application: 16.03.2017).

Bunge N. (1960) Zapiska N.H. Bunge Aleksandru II “O finansovom polozhenii Rossii” [Note «On the financial position of Russia” to Emperor Alexander II by N. H. Bunge]. *Istoricheskij arhiv*, no. 2. pp. 132–143.

The Cambridge history of Russia. Vol. II. (2006) Cambridge: Cambridge Univ. Press. 765 p.

Carr E. (1961) *What is History?* Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Danilov V.P. (1992) Agrarnye reformy i agrarnaja revoljucija v Rossii [Agrarian reforms and agrarian revolution in Russia]. *Velikij neznakomec*. Moscow: Progress-Akademija, pp. 310–323.

Davydov M.A. (2016) *Dvadcat' let do Velikoj vojny* [Twenty years before the Great War]. St.-Petersburg: Aletejja.

Davydov M.A. (2010^a) Ob urovne potreblenija v Rossii v konce XIX–nachale XX v. [On the level of consumption in Russia in the late XIX – early XX century]. *O prichinah Russkoj revoljucii*. Moscow: LKI, pp. 225–278.

Davydov M.A. (2010^b) *Rossijskij rynek v konce XIX–nachale XX vv. i zheleznodorozhnaja statistika* [The Russian market in the late XIX–early XX centuries. and railway statistics]. St.-Petersburg: Aletejja.

Davydov M.A. (2003) *Rynek i rynochnye svjazi Rossii v konce XIX – nachale XX vv.* [The market and market relations of Russia in the late XIX – early XX centuries]. Moscow: RGGU.

Gerschenkron A. (1965) Agrarian Policies and Industrialization: Russia 1861–1917. *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. VI. Pt. 2. *The industrial revolution*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 706–800.

- Haimson L. (1993) Ob istokah revoljucii [On the origins of the revolution]. *Otechestvennaja istorija*, no. 6, pp. 3–15.
- Kaufman A.A. (1918) *Agrarnyj vopros v Rossii* [The Agrarian Question in Russia]. Moscow: Mosk. nauch. izd.
- Kerenskij A.F. (2005) *Russkaja revoljucija* [Russian Revolution]. Moscow: Centrpoligraf.
- Kuznecov I.A. (2013) Rossijskaja dorevoljucionnaja urozhajnaja statistika [The Russian pre-revolutionary Harvest statistics]. *Voprosy istorii*, no. 6, pp. 75–82.
- Lohtin P. (1901) *Sostojanie sel'skogo hozjajstva Rossii sravnitel'no s drugimi stranami* [The state of agriculture in Russia in comparison with other countries]. St.-Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshheniya.
- Lloyd George D. (1934) *Voennye memuary* [War memoirs]. Vols. 1–2. Moscow: Socjgiz.
- Mironov B.N. (2010^a) *Blagosostojanie naselenija i revoljucii v imperskoj Rossii: XVIII–nachalo XX veka* [The well-being of the population and the revolution in Imperial Russia: XVIII – the beginning of the twentieth century]. Moscow: Novyj Hronograf.
- Mironov B.N. (2010^b) Nabljudalsja li v pozdneimperskoj Rossii mal'tuzianskij krizis? [Was observed there in late imperial Russia Malthusian crisis?]. *O prichinah russkoj revoljucii*. Moscow: LKI, pp. 61–111.
- Mironov B.N. (2016) “Po sravneniju s 1913-m...” [“Compared with 1913...”]. *Rossijskaja gazeta*. 07 November (<https://rg.ru/2016/11/07/rodina-uroven-zhizni.html>). Date of application: 16.03.2017).
- Mironov B.N. (2015) Revoljucionnyj sderzhite shag! [Keep the revolutionary step!]. *Rossijskaja gazeta*. 07 November.
- Muka dlja Petrograda (1917) [Flour for Petrograd]. *Novoe vremja*, no. 14707. 10 February, pp. 3.
- Nefedov S.A. (2009) *Agrarnye i demograficheskie itogi russkoj revoljucii* [Agriculture and demographic results of the Russian Revolution]. Ekaterinburg: UGGU.
- Nefedov S.A. (2013^a). *Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizacii* [The agrarian and demographic results of Stalin's collectivization]. Tambov: Izdatel'stvo TGU.
- Nefedov S., Ellman M. (2016) The development of living standards in Russia before the First World War: An examination of the anthropometric data. *Revolutionary Russia*, vol. 29, no. 2, pp. 149–168.
- Nefedov S.A. (2011^a) *Istorija Rossii. Faktornyj analiz* [History of Russia. Factor analysis]. Vol. II. Moscow: Territorija budushchego.
- Nefedov S.A. (2013^a) O kachestve dorevoljucionnoj urozhajnoj statistiki [On the quality of pre-revolutionary fruitful statistics]. *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 167–168.
- Nefedov S.A. (2011^b) Uroven' zhizni naselenija v dorevoljucionnoj Rossii [Living standards in pre-revolutionary Russia]. *Voprosy istorii*, no. 5, pp. 127–136.
- Obolenskij V.A. (1988) *Moja zhizn'. Moi sovremenniki* [My life. My contemporaries]. Paris: YMCA-Press.
- Oganovskij N.P. (1925) *Populjarnye ocherki jekonomicheskogo geografii SSSR v svjazi s mirovoj* [Popular sketches the economic geography of the USSR in connection with the world]. Moscow: Ekonomicheskaja zhizn'.
- Paleolog M. (1996) *Carskaja Rossija nakanune revoljucii* [Imperial Russia on the eve of the revolution]. Moscow: Terra.
- Pervaja revoljucija v Rossii. Vzglyad cherez stoletija* (2005) [The first revolution in Russia. Looking through the centuries]. Moscow: Pamjatniki istoricheskogo mysli.
- Pipes R. (1994) *Russkaja revoljucija*. V 3 chastyah. Ch. 2 [Russian revolution in 3 parts. Part 2]. Moscow: ROSSPJEN.
- Prokopovich S.N. (1907) *Agrarnyj vopros v cifrah* [The agrarian question in the figures]. St.-Petersburg: tipografiya tovarishchestva “Obshestvennaya pol'za”.
- Protopopov A.D. (2000) Pokazanija Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva [Evidence of the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government]. *Gibel' monarhii*. Moscow: Fond Sergeja Dubova, pp. 360–420.
- Robinson G.T. (1967) *Rural Russia Under the Old Regime*. New York; London: Columbia Univ. Press.
- Rodzjanko M.V. (1925) Zapiska M. V. Rodzjanki [Note by M. V. Rodzianko]. *Krasnyj arhiv*, vol. 3, pp. 69–86.
- Rodzjanko M.V. (2002) *Krushenie imperii* [The collapse of the empire]. Moscow: IKAR.
- Rossija v mirovoj vojne 1914–1918 goda (v cifrah)* (1925) [Russia in the World War, 1914–1918 (in figures)]. Moscow: CSU.
- Rozov N.S. (2002) *Filosofija i teorija istorii* [Philosophy and theory of history]. Book 1. Moscow: Logos.
- Solov'ev Ju.B. (1979) *Samoderzhavie i dvorjanstvo v konce XIX veka* [Autocracy and the nobility at the end of the XIX century]. Leningrad: Nauka.

- Trockij L.D. (1990) *K istorii russkoj revoljucii* [To the History of the Russian Revolution]. Moscow: Politizdat.
- Vitte S.Ju. (2001) *Vospominanija, memuary*. V 3 tomakh [Rememberings, memoirs]. T. 2. Moscow: AST.
- Volin L.A. (1970) *Century of Russian Agriculture: From Alexander II to Khrushchev*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Zajonchkovskij A.M. (1938) *Mirovaja vojna 1914–1918 gg.* [World War 1914–1918]. Vol. II. Moscow: Gosvoenizdat.

© С. Нефедов, 2017